

Замир ТАРЛАНОВ

г. Петрозаводск

У

Б

Р

Б

М

Ш

А

Non-fiction

— Надо быть готовым завтра с утра идти за черемшой, сынок, — сказала мама, обращаясь ко мне в конце дня. — Собираются многие из наших соседей. Все взрослые люди. Они будут внимательны и заботливы к тебе. Вернетесь, наверное, во второй половине дня. Лето. В школе каникулы. Прогуляешься.

— А куда собираются идти?

— В Санжав.

— Хорошо.

Шел послевоенный 1946 год. Июль. Война кончилась, но бедность, голод, порожденные ею, продолжались и давали знать о себе на каждом шагу. Надо было как-то выживать. И люди старались как могли. Но возможности сельской жизни всегда ограничены, даже в обычное время. А тут только-только начинали приходить в себя после пяти долгих военных лет. Особенно-то и не развернешься. На подмогу со стороны не рассчитывали: откуда же? На кого-то не надеялись. Страна еще не отдышалась от войны. Оставалось одно: быть довольными и той жизнью, которой жили. А в самом деле, она была даже много лучше той, недавней, потому что перестали приходить «похоронки». Теперь нередко выдавались и радостные дни: то и дело возвращались домой фронтовики, одетые кто в солдатскую, кто в офицерскую форму, кто на костылях, кто со вставным стеклянным глазом, кто без руки или пальцев...

Помощи ждали только от природы, от землёматушки. Все, что росло или покоилось в ней — разные коренья, считавшиеся съедобными, — все годилось для приглушения изнуряющего чувства голода. Отзывчивы на людской голод были леса и луга — делились съедобными растениями — травами, цветами, ягодами. Очень выручала вездесущая крапива, которая обильно росла в тех местах, где стояли животноводческие фермы и стада овец летом. Крапиву собирали огромными мешками! Затем ее мелко разрубали на чурке топориком или шинковали большим кухонным ножом, подсаживали и ели как салат. Таким же манером размельчив, ее заготавливали и на зиму, предварительно высушив. Нередки бывали случаи нерасчетливого злоупотребления крапивой — это провоцировало разные болезненные состояния: рвоту, запоры и прочие расстройства. Вообще-то, в пищу употребляли много-много растительной всячины, но и среди неё были настоящие деликатесы. Вот, к

примеру, хоть земляные орехи, лишенные привычной оболочки — скорлупы. Они именовались «картошкой», а общепринятая картошка — «русской картошкой». Их собирали до того, как они пойдут в ботву, ели в сыром или вареном виде. В пищу шла даже ботва.

А в июле самая что ни есть черемшиная пора! Черемша в изобилии росла высоко в горах. На северных их склонах и на лесных полянах. В Буркихане часть горной гряды, окружавшей его с запада, рядом с тем местом, куда садилось летнее солнце, носила даже имя Черемшиной. Так и звали — Черемшиная гряда. Чтобы добраться до нее, надо было пройти километра четыре по крутым горным тропам, глубоким ущельям и балкам. Достигнув ее гребня, следовало перейти на другую, западную, ее сторону, откуда с высоты птичьего полета открывались впечатляющие виды Ричинской долины по руслу реки Чираг-чай. Она у нас называлась «Большая река», то есть не по имени даргинского селения Чираг (ведь началась чуть выше Чирага), а в сравнении с рекой, протекавшей параллельно. Чираг-чай и в самом деле велика на фоне вливавшейся в нее речки, протекавшей через Буркихан с истоками, которые начинались на севере с границ лакских и даргинских земель, проходящих по горному перевалу. Оттуда ручьи по обе стороны бежали в противоположных направлениях.

Мы ласково называли вторую реку «Нашей». Наша река была мелкая, с чистой прозрачной водой. В ее запрудах в тихую погоду бултыхались горные форели, которых по обстоятельствам военного времени некому было ловить, — вот они и расплодились. Лови хоть голыми руками, если не ускользнут. Чираг-чай же был мутной, торопливой и коварной, особенно после дождей. Уже в самом начале в нее вливались десятки молочно-пенистых ручьев, которые, как бы торжествуя высвобождаясь из снежного плена отрогов кавказского хребта, устремлялись вниз по крутым горным вершинам, разрезая их по форме перевернутого конуса. Достигнув реки, они тоже становились частью ее мутной устрашающей массы, перед которой в дожди ничто не могло устоять, включая даже каменные глыбы внушительных размеров.

По руслу Большой реки на север и на юг тянулась внутренняя, «горная» дорога, которая

через много населенных пунктов вела в Махачкалу с севера и в Дербент с юго-запада, почти минуя основную дорогу, проходившую вдоль моря. Именно по ней татаро-монголы добрались до Рича в 1239 году.

Вдоль долины дальше на запад, как бы упираясь в небо, величественно возвышались вечно покрытые снегом отроги главного кавказского хребта.

Именно на Черемшиную гряду обычно и ходили буркиханские женщины за черемшой. В добрые старые времена это было одновременно и своеобразным культурным времяпрепровождением для молодых. Возвращение с черемшиного похода, в котором обычно участвовали одни женщины, непременно сопровождалось песнями. Маршрут наш определялся, по-видимому, тем, что по общеизвестным местам все было уже выбрано.

Урочище, куда собирались идти завтра, располагалось в той же долине Большой реки, но только поуже. Протянувшаяся по левой стороне при движении на север по основной дороге гора, поросшая лесом, была территорией уже другого населенного пункта — Тпига. Попасть туда можно было двояко: либо переходя Большую в районе слияния ее с Нашей рекой (в районе Туларимельницы); однако такой переход не всегда был безопасен, потому что в дожди Большая река превращалась в бурный, грохочущий, сумасшедший поток, к которому лучше не подходить; либо же окружным путем — через Тпиг, удлинняя тем самым путь километров на семь-восемь.

Наступил следующий день, который выдался хмурым. Санжав, в ясную погоду хорошо видный из Буркихана, был окутан густым туманом, как и вершины всех гор, тянувшихся от него на север и юг. Солнце, наглухо спрятавшееся за облака, не подавало признаков своего расположения в небе. Такая погода вполне могла разразиться и дождем — это вовсе не поднимало настроения. Где-то ближе к восьми часам утра я направился к условленному месту. Встретиться должны были у родника при выходе из Буркихана по дороге в сторону Санжава. Я подошел третьим. В течение нескольких минут собрались почти все.

— Доброе утро! Что, бессонницей страдаете? Или черемша зовет? — весело выпалила женщина лет сорока, подошедшая последней.

— У нас со сном все в порядке, и черемша не беспокоит, никуда она не денется. Всему свое время: днем — дневное, ночью — ночное, — ответила одна из стоявших, и все засмеялись.

— Подошли все, пора в путь. Погода пасмурная, а вдруг, не дай бог, дождь пойдет, — сказала та, что была среди первых.

И все, по-женски шумно обсуждая какие-то случайно всплывавшие темы, неторопливым, но достаточно энергичным шагом тронулись в путь. Я пересчитал всех женщин черемшиного отряда. Получилось одиннадцать. Я был двенадцатым. Единственный представитель мужской части населения. Мне шел одиннадцатый год. В конце мая, месяц назад, учителя сводили нас на экскурсию на природу, а после распустили на летние каникулы. Всю дорогу я шел последним, оглядываясь по сторонам и не интересуясь женскими разговорами. Мне это было неинтересно. Но взрослые старались не упускать меня из поля зрения, то и дело чуть ли не поочередно оборачиваясь с одними и теми же вопросами:

— Ты не отстал? Идешь?

Прошагав около трех километров пути и перейдя прозрачную, чистейшую буркиханскую речку, мы достигли берега Большой. Остановились там, где она текла, распростершись широко и как будто разлившись. Подошли к берегу поближе и стали молча озирать вокруг. Это было чуть ниже Тулари-мельницы. Здесь же, совсем рядом, встречались обе реки и не хотя соединялись между собой. Видно было, как прозрачная буркиханская река, встретившись с Большой, не смешивалась с ней, а долго и различимо текла рядом, по краю мутного потока. Создавалось впечатление, что Большая река не замечает и не принимает ее всерьез. На том месте, где остановились, глубина Большой не утешала. Тем не менее течение пугало. Оно было шумное и быстрое.

— Не здесь ли в прошлом году утонула несчастная Айша? — спросил чей-то взволнованный голос.

— Именно здесь. Здесь, милая... В это же самое время прошлого года, когда возвращались с черемшой, будь она проклята. Шеренгой, держась за руки, переходили реку, а Айша, как человек в возрасте, была замыкающей. Место последнего в подобных случаях считается наи-

более безопасным, потому что сила потока гасится идущими выше по течению. Несчастлива ли случайно попала в яму, то ли поскользнулась, то ли закружилась голова и она отпустила руку соседки, но сильным течением ее мгновенно сбило с ног и унесло, как сноп. Рассказывали, что она показывалась и тут же исчезала в бурлящем потоке, до тех пор, пока он всей своей мощью не обрушился на выступ скалы, преграждавший путь. Нашли Айшу на следующий день то ли около Тпига в канале, по которому вода из Чираг-чая отводилась для Тпигской гидроэлектростанции, то ли выброшенной на берег за каменной глыбой в районе селения Хутхул, через пять или шесть верс¹ по течению, — сказала Хавабав и уголком головного платка молча и медленно утерла слезы.

Хавабав было лет двадцать — двадцать пять. Она была старшей из трех дочерей, которые воспитывались отцом. Знакомые люди отзывались о ней только с похвалой, считая ее скромной, совестливой, одолжительной и хозяйственной.

— Ну, девчата, разуваемся, да поможет нам Аллах, — сказала Пирзада, самая старшая среди женщин, живая, громкоголосая и ироничная, с некоторыми мужскими повадками и манерой ходить широким шагом, размахивая руками.

И все дружно взялись за дело. Снимая обувь, каждый складывал ее во что мог, но так, чтобы можно было повесить на шею. Руки должны были быть свободны. Мои дырявые азиатские галоши, сложенные в мешочек для черемши, взяла к себе девушка, которая приходилась мне дальней родственницей, имя ее, хотя и произносилось с долгим твердым «ч», — Хаччу — ассоциировалось с русской глагольной формой «хочу».

— Все ли разулись и упаковали свою парадную обувь? — не без подвоха спросила Пирзада зычным командирским голосом.

— Все! — раздалось в ответ.

— А теперь засучите рукава и отверните штанины, чтобы они были выше колен. Еще раз проверьте, надежно ли сложены ваши драгоценные вещи.

— Надежнее не бывает!

¹ Верс в агульском языке — километр. Кажущаяся этимологическая связь с русской верстой исключена, о чем свидетельствуют концовка слова и тот факт, что слов с подобной фонологической структурой в агульском языке много.

Все громко засмеялись.

— Вставайте, подберите платья кругом и закрепите на поясе.

Я тоже подвернул брюки, натянув их выше, сколько можно было. Когда бросил взгляд на женщин с засученными рукавами, поднятыми выше колен цветными штанами, мне вдруг стало смешно, сдержав себя, отвернулся. Хорошо, что никто не заметил. Женщины в таком виде вдруг напомнили мне овечек. Подобранные и закрепленные сзади платья оживили в памяти хвосты — не хвосты, курдюки — не курдюки меринорок, недавно увиденных мною в колхозном стаде, когда их перегоняли на летние пастбища. К тому же у этих меринорок на ногах до колен не было шерсти, она начиналась выше.

— Теперь нам нужно решить, кто и где будет стоять в шеренге, чтобы перейти реку, — сказала Пирзада и стала распределять места.

Рядом со мной слева пойдет Багу. Она была плотной, сильной и здоровой на вид, краснощеккой девушкой с близко и глубоко посаженными глазами, которые казались постоянно прищуренными. Любила шутить, замечательно пела, как и Хаччу.

— О нет, Пирзада, ты хочешь меня погубить, такую красавицу, первой не пойду, — шумно отреагировала Багу.

— Ютфашмат, не ты будешь первой. Первой буду я. Ты будешь рядом со мной слева. Будешь второй. Ты со своей красотой никуда не денешься. Если ты такая красавица, чего не замужем? — Вопрос был безобидным для военного времени.

— Эй, женщина, что за непонятные слова ты говоришь? Как я могу быть замужем, если все молодые люди ушли в солдаты?

— Хи-хи-хи! Я сама не знаю, что оно значит. Когда я была в трудовой армии и копала траншеи, я его часто слышала. Так говорили люди, по-моему, когда им казалось, что их плохо понимают.

— Ну ты и ученая баба!

Самое опасное первое место в шеренге Пирзада, как и обещала, оставила за собой. Она первой принимала на себя силу течения. Каждый располагавшийся ниже гасил дальше мощь потока. До последнего распределила всех оставшихся, глядя на внешнюю крепость тела и силу. Я должен был расположиться в са-

мой середине, держась за руки Хавабав с одной стороны и Хаччу — с другой.

— А ну встаньте все, как я сказала, — распорядилась Пирзада.

Все встали в шеренгу.

— Хорошо. Так и переходим, — сказала она. — При переходе руками держитесь как можно крепче, не удаляясь друг от друга. Идем, не отставая и не забегая вперед. Только ровной шеренгой. Ногами ступаем осторожно, стараясь не наступать на острые и скользкие камни. Запомните: никто не должен смотреть на воду, на течение реки. Смотрим только на тот берег. Ну, Аллах нам в помощь! Пошли.

И мы вошли в реку. Хотя и стоял июль, река была холодная. По мере удаления от берега глубина нарастала. Нарастали и взаимно ободряющие выкрики, раздававшиеся то с одного, то с другого конца шеренги. Еще несколько метров — и мы уже на том берегу в полном составе.

— Молодцы, смельчаки! — эмоционально подытожила Пирзада. — Точно так же мы должны строиться, когда будем возвращаться назад. Теперь присядьте, отдышитесь, обуйтесь, приведите себя в порядок, и мы поднимемся в Санжав.

Так и поступили, после чего пошагали на ричинскую дорогу. Перешли ее и по прекрасному цветущему лугу, усеянному тысячами альпийских цветов, двигаясь зигзагами, направились круто в гору. Вошли в лес, по-прежнему на подьеме. Наконец оказались в какой-то чаще.

— Тут мы и остановимся, — сказала Пирзада. — Будете собирать черемшу вокруг этой чащи, не отходя далеко.

— Хорошо, — согласились все.

— Смотрите, вдруг найдете четырехлистную черемшину, говорят, она приносит счастье, — с иронической улыбкой прозвучал последний наказ.

Я сразу бросился искать ту самую луковичку с четырьмя листками, приносящими счастье. Подошел к верхнему краю чащи и увидел сплошной черемшинный ковер без зазоров, пустырей. Сначала стал собирать по отдельной черемшине, каждый раз пересчитывая, сколько на стебельке листьев. Но скоро понял, что так я много не соберу. Росла и назойливость комаров. Стал брать черемшу по три-четыре за раз, аккуратно складывая в небольшие связки по пятьдесят штук в

каждой. Чувствовалось, что все при деле. Стояла тишина, которая редко прерывалась репликами. Вдруг раздалась песня, подхваченная еще с двух сторон. По голосам можно было узнать, что пели Багу, Хаччу и Хавабав. Хотя певицы были удалены друг от друга, песня звучала в унисон и красиво. Она была грустная, протяжная, философская, о смысле, тяготах и трудностях жизни.

Прошло некоторое время, и небо заволокло почти черными тучами, так что день стал похож на вечер. Явно собирался нешуточный дождь. Это подстегнуло всех собирать быстрее. Я подошел к невысокому кусту рябины, рядом с которым на видном месте складывал свои связки, и подсчитал их. Получилось девятнадцать. Остался доволен своей работой, но решил еще набрать сколько успею. Вскоре вдали прогремел первый гром. Тут же раздалась призывы женщин двигаться в сторону оврага, на дальней стороне которого под скальным козырьком можно было переждать дождь, если он пойдет.

Удары грома, сопровождаемые залпами молний, становились все сильнее и сильнее. Вот и дождь не заставил себя ждать. Все бегом бросились в овраг и к скале. Только добежали до укрытия, как ударил ливень.

— Такой дождь не бывает долгим. Перестанет, и мы двинемся к родным очагам, — так Пирзада с обычной своей ироничной улыбкой наметила ход дальнейших событий.

Простояли под скальным козырьком, наверное, час с лишним. Все это время дождь лил густо-густо, иногда и волнами, управляемыми резкими порывами ветра. В эти минуты чувствовалось пронизывающее ощущение холода, потому что одежда была все же влажной. Но постепенно стало проясняться. Низкие облака, облекаясь в невероятные формы, как будто кем-то подгоняемые, устремились к северу. День стал светлее, трава зеленее и ярче, небо — выше. Дождь почти перестал.

— Страдалицы мои, смотрите, дождь испугался и покинул нас. Остался лишь чизан² — напоминание о нем. Опять заходить в лес невозможно: промокнем до нитки. Будем спускаться вниз по левой стороне оврага. Только придется разуться уже сейчас: идти нам по мокрой траве.

Разулись, взяли свои вещи, — под гору не в гору — бодро бросились в направлении к Большой

реке в том месте, где утром переходили. Прошли луг, пересекли ричинскую дорогу и ступили на тропу, ведущую вниз, к реке. Когда увидели реку, все как будто растерялись. Слышно было только шелканье языками, прерываемое междометиями ужаса. Я вообще остолбенел, когда увидел реку во всем ее необузданном разгуле: поток стал темно-коричневого цвета, вызывающе своенравным; валы, которые образовывались при прохождении его через оторвавшиеся скальные глыбы, большие камни, с шумом и грохотом наваливались друг на друга, в момент столкновения выделяя множество пенных полос. Создавалось впечатление, что река издевательски зубоскалила в свое удовольствие.

Я малость постоял еще и, ни слова не говоря женщинам, развернулся на ричинско-тпигскую дорогу, чтобы вернуться домой по долгому, но безопасному пути.

Женщины заметили меня сразу, я — бежать. Некоторые — за мной, предлагая остановиться. Уговаривали, будто бы у них есть просьба ко мне. Я остановился и даже пошел им навстречу. Преследовательницы стали звать меня спуститься туда, где все остальные, чтобы обсудить, как быть. Женщины поняли, что я испугался реки, и начали подбадривать меня: «Ты мужчина, хоть и маленький еще...»

— Мужчина всегда должен быть мужчиной, взрослый он или еще не совсем взрослый, — поучала меня Багу.

— Что скажут твои товарищи по школе, соседи, когда они узнают, что ты, испугавшись реки, пустился в бега? Разве это не позор? — сказала другая женщина.

— Мы сейчас перейдем и через полчаса будем дома. А что мы ответим твоей маме, когда она спросит, почему бросили ее сына? Ведь обязательно скажет, что бросили. И она будет права, — вдруг заговорила Муслимат, которая до этого почти все время молчала.

— Я тебя, мой мальчик, перенесу на тот берег на своей спине, — твердо заявила Хавабав. — Это даже лучше, потому что под тяжестью нас обоих я буду твердо стоять на ногах при переходе реки. Хотя какой у тебя вес? Худенький, как воробей. — Я обратил внимание, что жен-

² Чизан — еле заметный мелкий дождь.

щины хотя и побаивались водной стихии, но были уверены в своих силах противостоять ей.

Мне отказываться и упорствовать было просто неудобно, хотя постыдным представлялось и то, что меня понесут как маленького. Но я молча сдался. Волнение не угасло. Подгоняемое страхом сердце билось так, что его учащенные и предательски громкие удары слышны были, как мне казалось, не только мне, но и всем, кто стоял рядом.

— Время идет, готовимся к переходу, — раздалась команда Пирзады. — Слушайте, как строимся в шеренгу. Я буду в начале, Хавабав с мальчиком в середине шеренги, слева от нее идет Багу, а справа — Хаччу; все остальные располагаются так же, как и утром. За руки держаться крепко и надежно, переходим реку мелкими шажками. Водный поток должен приходиться каждому только на бок, ни в коем случае не допускать такого положения, чтобы сила воды настигала вас сзади. Это значит, что мы должны идти чуть против течения. Смотрим все только на тот берег. Если у кого-либо что-то оторвется или отобьется водой, не обращайтесь внимания, пусть себе унесет река на память, но рук ни в коем случае не отпускайте. А ты, наш чудесный мальчик, будучи на спине у добрейшей и надежной Хавабав, крепко держи ее за шею, ноги

плотно прижми к ее поясице. Но не мешай ей свободно переставлять ноги; глаза не закрывай и на воду не смотри, чтобы не закружилась голова, смотри только на тот берег. Ну, с богом!

На переправе вели себя тихо. Чувствовалось во всех напряжении. Глубина потока была неравномерной, местами достигала пояса. Подошли близко к противоположному берегу, только тут стали раздаваться бодрые возгласы и шутки. Вышли из потока, встали на береговой дерн, и все вздохнули. Я спрыгнул с шеи своей спасительницы, поблагодарил ее и стыдливо отошел в сторону. Все были рады, что выстояли против реки.

— Вот, товарищи женщины, я вас вернула целыми и здоровыми, можно сказать уже, домой. Так или нет? — торжествующе спросила Пирзада.

— Так! Будь всегда счастлива, здорова и уважаема! — ответили ей.

— Теперь вы свободны от моих команд. Молодцы все! Желаю всем удачного замужества как можно скорее!

Когда говорят о женщине как о существе якобы слабом, наряду со многими другими случаями я вспоминаю и этот, не переставая удивляться могуществу ее духа в «слабом» теле.

□

Замир Курбанович ТАРЛАНОВ

родился в 1936 г. в Дагестанской АССР.

Доктор филологических наук,

заслуженный деятель науки РФ и КАССР,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Северного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),

лауреат Государственной премии Республики Дагестан

в области естественных, общественных наук и техники за 2009 г.,

член Совета по русскому языку

при Президенте (Правительстве) РФ (1996–2003),

член Союза писателей России,

председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988–2002).

Автор 30 монографий и около 360 статей по русскому языку,

общему языкознанию, фольклору, русской литературе, литературной критике.

Ряд работ по русской паремииологии и творчеству

Н.С.Лескова, Р.Гамзатова переведен на французский и др. языки.

В «Севере» печатается с 1971 г.

